

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

На заимке

Дмитрий Мамин-Сибиряк

На заимке

«Public Domain»

1891

Мамин-Сибиряк Д. Н.

На заимке / Д. Н. Мамин-Сибиряк — «Public Domain», 1891

«Солнце быстро спускалось над лесом, а июльские ночи в горах без сумерек – как солнце сядет, так и делается темно, точно какая-то неведомая рука задернет занавеску. С озера, которое обступили высокой рамой синеватые горы, потянуло холодной сыростью. В летние дни солнце садится быстро, и я ускорил шаги, чтобы засветло добраться до заимки «брата Ипполита». Издали за мной следил мой верный пес Орлик, не смевший подойти ближе, – он держался на почтительном расстоянии, потому что съел молоденького зайчонка и ожидал соответствующего наказания. Пес был вообще дрянной и лукавый, но что поделаешь, когда нет лучше. В моем ягдташе болтался один несчастный чирок – добыча целого охотничьего дня. Впрочем, надвигавшаяся темнота скроет все недочеты по части охотничьих трофеев...»

© Мамин-Сибиряк Д. Н., 1891

© Public Domain, 1891

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Дмитрий Мамин-Сибиряк

На заимке

I

Солнце быстро спускалось над лесом, а июльские ночи в горах без сумерек – как солнце сядет, так и делается темно, точно какая-то неведомая рука задернет занавеску. С озера, которое обступили высокой рамой синеватые горы, потянуло холодной сыростью. В летние дни солнце садится быстро, и я ускорил шаги, чтобы засветло добраться до заимки «брата Ипполита». Издали за мной следил мой верный пес Орлик, не смевший подойти ближе, – он держался на почтительном расстоянии, потому что съел молоденького зайчонка и ожидал соответствующего наказания. Пес был вообще дрянной и лукавый, но что поделаешь, когда нет лучше. В моем ягдташе болтался один несчастный чирок – добыча целого охотничьего дня. Впрочем, надвигавшаяся темнота скроет все недочеты по части охотничьих трофеев.

На заимке «брата Ипполита» я бывал несколько раз; вот только спуститься под горку, взять по речке налево, и у самого устья будет заимка, но сейчас ее точно кто отодвинул. Когда торопишься, всегда дорога кажется длиннее. Да и тропинка точно другая – какие-то камни, коренья, ямы, точно кто-нибудь нарочно их подкладывал, чтобы затруднить доступ к заимке. Мне было не до красоты чудного летнего вечера, когда так хорошо пахнет свежей травой и оживляет спасительная прохлада. Томила к тому же страшная жажда, и все мечты сосредоточивались на том, чтобы напиться чаю на заимке у «брата Ипполита». Он жил бобылем, и рассчитывать на молоко или квас было нельзя. Нет бабы, так уж какое тут молоко.

Когда мы подходили к заимке, было уже совсем темно, точно какая-то неведомая рука погасила последний свет. Перед заимкой на мысу, впрочем, ярко горел костер, придавая картине какой-то особенно уютный вид. Огонь нигде не производит такого впечатления, как именно в лесу, особенно ночью. Что-то такое уютное, жилое, говорящее о живом человеке и его труде. Я вполне понимаю, почему ветхий человек поклонялся огню, как божеству: если огонь и не божество, то в нем все-таки невольно чувствуется стихийная, именно божественная, благодетельная сила. Без огня человек оставался бы до сих пор несчастным и жалким дикарем. Отнимите в одно прекрасное утро у людей огонь, и от всей нашей цивилизации останутся одни развалины.

Мои мысли были вспугнуты, как птицы, каким-то криком у огня. Ругались два голоса. Потом в освещенном костром кругу запрыгали две человеческие тени и послышался неистовый крик:

– Батюшки!.. карраул!.. Ой, батюшки!..

Человеческий крик в лесу, особенно ночью, производит впечатление чего-то особенно страшного и беззащитного. Я побежал и почему-то на бегу уже заметил, что сейчас за костром стоит лошадь, понуро опустив голову и вяло отмахиваясь коротким, точно обгрызанным хвостом от комаров. Навстречу мне выбежала кудлатая собака Найда и без лая приветливо замала хвостом. Мой Орлик широкими прыжками пролетел к дравшимся и залился отчаянным лаем.

– А вот тебе угощенье!.. – слышался чей-то хриплый голос. – Будешь меня помнить... А вот тебе еще на прибавку!..

– Батюшки, убили... Ой, смертынька!!!

Когда я подбежал к самому месту действия, представилась такая картина: на земле что-то корчилось и вопило благим матом, а на это что-то навалился «брат Ипполит» всем своим громадным телом и неистово бил кулаком.

– Что ты делаешь?! – крикнул я, хватая «брата Ипполита» за плечо.

Он удивленно повернул ко мне свое бородатое широкое лицо с какими-то детскими серыми глазами и не вдруг ответил:

– А вот за угощением человек пришел, ну, так я его и гово...

– Нехорошо драться, Ипполит. Оставь...

– Эх, один бы разок еще ударить... Можно?

– Нет, довольноно.

Пока «брат Ипполит» размышлял, можно или нельзя ударить еще один разок, вопившее под ним что-то воепользовалось этим раздумьем и как-то вывернулась. Оказалось, что это был солдат, известный под кличкой Вилка. Он поднялся, встряхнулся, ощупал себя, сомневаясь в собственной целостности, оправил сбившиеся штаны и рубаху и проговорил добродушным тоном, который совсем уж не соответствовал недавним отчаянным воплям:

– Ну и чертушка... ах ты, братец ты мой?! Думал, и не дыхану больше: чисто как жернов навалился. Ну и идол...

Удостоверившись, что руки, ноги, ребра и скулы целы, Вилка уже совсем добродушно прибавил:

– Ведь этак-то живого человека можно и убить... Вот так получил угощение. В полной форме...

«Брат Ипполит» продолжал сидеть на земле, почесывал в затылке и смотрел на солдата улыбающимися добрыми глазами.

– Жив? – спросил он солдата.

– Маленько жив... Вот зачем под ребра бьешь, деревянный идол? Тоже в самое душевредное место норовит...

– А ты не плутуй...

– И не думал! Взбрело тебе в башку незнамо что, вот и накиннулся на человека медведь медведем...

– А люди-то что говорят? Даве на базаре вот как на смех меня подняли... Я еду на твоей лошади, а мне кричат: «Брат Аполит, погляди-ка, у твоей новокупки хвост телята отжевали». Я поглядел – действительно, хвост тово... Потом опять кричат: «Брат Аполит, гляди, лошадь-то кривая, одним глазом совсем не видит». Подбежали это к лошади, машут перед самым глазом рукой, а она хоть бы тебе моргнула. Опять кричат: «Это солдат Вилка из страженья лошадь привел отставную. Тебе на нее пенсию будут выдавать». Это как по-твоему?

«Брат Ипполит», подогретый этими воспоминаниями, сделал попытку опять поймать вороватого солдата за шиворот, но тот ожидал это движение Ипполитова духа и не без ловкости увернулся. Потом Вилка подскочил к лошади, пнул ее ногой в живот и заговорил азартным гоном завязанного барышника:

– Это тебе не лошадь, Аполит? Не лошадь... а? Так какие же лошади, по-твоему, бывают... а? Хвост? Хвост отрастет... Что касается глаза, так она одним-то глазом лучше тебя все увидит. Экая важность: один глаз не видит. Да другая с двумя-то глазами копыта ее не стоит. Ты бы как должен меня благодарить за нее, идол... Другой бы в ногах валялся.

В доказательство необыкновенных достоинств лошади, Вилка вскочил на нее верхом, сделал круг около костра и даже заставил стать на дыбы.

– Это не лошадь?! – кричал он. – Дракон, вот как надо сказать по-настоящему.

«Дракон» опять стоял под прикрытием едкой струи дыма, отгонявшей комаров, подогнув натруженные ноги и развесив уши по-свинячьи. Лошадь никуда не годилась по всем статьям.

– Ежели бы лошадь была с изъяном, так разве бы я смел к тебе на глаза показаться? – не унимался солдат, начиная увлекаться собственной ложью. – Да ведь я бы тебя за версту обошел... Так? А тут иду прямо в гости. Думаю, Аполит вот как поблагодарит... Неблагодарный ты человек, больше ничего. Вон рубаху на самом плече растерзал...

Эта нелепая сцена, от начала до конца, будет понятна только тогда, когда читатель узнает, что «брат Ипполит» слыл за «тронутого человека», у которого «не все дома». Очевидно, Виллок этим пользовался, сбывая свою кривую лошадь. Глядя на здоровенную фигуру «брата Ипполита», как-то трудно было поверить, что это психически больной человек и даже не больной, а так, чего-то недоставало. Его все обманывали, пользуясь его простотой. Жил он на своей заимке на глухом берегу озера совершенно один. Заимками в Сибири называют именно такие участки земли, которые не входят в черту селенья, а стоят отдельно. В частности заимкой называется уже самое строенье. Большинство таких заимок имеет промысловое значение – салотопенные, мыловаренные, кожевенные заимки, в других случаях заимка является пчельником, рыбачьей стоянкой, фермой наконец. Заимка «брата Ипполита» имела именно это последнее значение, когда был еще жив старик отец и когда всем «руководствовал» младший брат Иван Павлыч, в противоположность Ипполиту худой и чахоточный, мрачный, с тяжелым взглядом темных, глубоко посаженных глаз. После смерти отца Иван Павлыч ушел с заимки, предоставив ее брату Ипполиту, а сам промышлял где-то на стороне какими-то темными делами. Время от времени он неожиданно появлялся на заимке и так же неожиданно исчезал. Иван Павлыч как-то особенно любил своего тронутого брата и снабжал его всем необходимым. Эта семья в окрестностях пользовалась плохой славой, особенно покойный старик, который, по словам старожилков, промышлял в свое время разбоями по Сибирскому тракту, а под старость устроился на заимке. Младший сын Иван Павлыч пошел в отца, и только Ипполит вырос сам по себе и жил сам по себе. Ипполита знали только как брата Ивана Павлыча и поэтому называли «брат Ипполит», или попросту – Аполит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.